

избраните свои и нападна на турците; токмо един меч имаши ф руката си и сечеши турците многу. И страшно беши да гледа човек самага благочестиваго царя сас каирят, юнашески нападваше на турците и сечеши душманити си, кого как стигнаши, ударяши го и присачеши го на два дела, а друзи от главъта дори до конският горб разсачеши. И тъй многу на смерт придаваши, а турците единократно собираха са и фпускаха са на срецо того и сякакво оружие мятаха на него, и стряли и пушки безчет пуцаше на него. Ала каквоту са дума, на джешк навиваний и царско падение без божие промисал не бива; сичкоту тяхно оружие и стряли и пушки напраздно падаха, мимо того летеха и не закачаха царя того. И тъй турците из царският гнев и бой и юнашество и срецо тоговите боляри не можиха да стоят ами побягнаха камто разваленуту място, натестиха се многу и многу избиха гредите от тях в косурят през хиндекат пропъдиха от градат. На утри градският везир Николае повеле на гражданите да изфърляг вон из гръдат избитите турци, зарад дано са уплашат душманите. И намериха се избити турци шестнадесат хиляди».²²

Воздействие этого описания было тем более сильным, что написано было на новоболгарском языке, оно непосредственно доходило до разума читателей. Включение «Повести о взятии Царьграда» в «Дамаскины» обеспечивало более широкое ее распространение и увеличивало популярность. Первым, кто отметил важность включения повести в «Дамаскины», был Л. Милетич, но он интересовался главным образом языковой стороной. Более детально остановился на этом вопросе Б. Пенев, указавший не только на патриотическое воздействие повести на болгарского читателя XVIII в., но поставивший и другой интересный вопрос, а именно о художественных элементах, утверждавших новое эстетическое сознание, формиовавших новый художественный вкус. Б. Пенев отмечает, что повесть представляет собой своеобразную историко-героическую поэму.²³

Однако до сих пор никто не отметил другое важное обстоятельство. «Повесть о взятии Царьграда» для читателей XVIII в. была сочинением историческим. Она возвращала его к прошлому, приковывала внимание к большим историческим событиям. Хотя болгарская история и не изображалась в повести непосредственно, в ней воскрешались события, с нею связанные и близкие болгарскому сознанию. А это обстоятельство направляет наше внимание к тем явлениям болгарской литературы XVIII в., которые подготовили новый период ее развития. Все чаще проникают в «Дамаскины» размышления о прошлом; во второй половине XVIII в. появляются труды с историческим содержанием: «Стематография» Хр. Жефаровича (1741), «История славеноболгарская» Паисия Хилендарского (1762), Збграфская история, «История во кратце о болгарском народе славенском» иеромонаха Спиридона (1792). Очень близко примыкает к ним и «Повесть о взятии Царьграда». Переведенная с русского языка, она была одним из источников, из которого болгары черпали сведения о своем прошлом. Повесть сыграла известную роль в пробуждении национального сознания. Очень важно, что болгарские писатели, уделяя внимание прошлому родной страны, обращались к русской литературе: неизвестный писатель переводит «Повесть о взятии Царьграда», а Паисий и Спиридон черпают материал из двух исторических сочинений, известных им по русским переводам — «Книга историография» Мавро Орбини (1722) и «Деяния церковная и гражданская» Цезаря Барония (1719).

²² Л. Милетич. Повест за падането на Царьград в 1453 г., стр. 439

²³ Б. Пенев. История на новата българска литература, т. II София, 1932, стр. 52—64, 133—134, 136—139, 168—169 и др.